

ПОГРЕБЕНИЕ ВОИНА ИЗ КОМПЛЕКСА РЯЗАНО-ОКСКИХ МОГИЛЬНИКОВ УНДРИХ 2015. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ, АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ*

Археологическая культура Рязано-окских могильников играла важнейшую политическую и культурную роль в формировании ряда финно-угорских народов среднего течения р. Оки. Изучение новых памятников, оставивших носителями этой культуры, проясняет общую картину этнической истории региона. Проведено изучение артефактов и костных останков из погребения воина высшего сословия комплекса Ундрих 2015 яма 90. Анализ инвентаря позволяет датировать погребение самым концом пятого века. Каждый из предметов подробно описан и рассматривается на предмет поиска аналогий с привлечением широкого диапазона публикаций. По находкам в погребении шейной гривны, фибулы, богатой упряжи, крестообразной диадемы, а также двух мечей, характерных для вождеских погребений Восточной Европы, делается вывод о принадлежности воина одному из главенствующих кланов, властной группы Рязано-окского барбарикума периода формирования аутентичной государственности. Различные властные кланы имели свою специфику, которая выражалась как в характере оружия, украшений, так, возможно, и в физическом облике. Антропологическое изучение черепа и позволяет фиксировать черты средиземноморского антропологического типа. Реконструкция внешнего облика, выполненная в графике и скульптуре, дает представление об особенностях антропологического типа погребенного воина.

Ключевые слова: *археологическая культура Рязано-окских могильников, комплекс Ундрих 2015, антропологическая реконструкция*

Веселовская Елизавета Валентиновна – д.и.н., главный научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл. почта: veselovskaya.e.v.@yandex.ru

Гаврилов Александр Петрович – профессор РАЕН, заведующий музейным отделом, Историко-культурный музейный комплекс пос. Шилово (Рязанская область, пос. Шилово, ул. Спаская, д. 38). E-mail: museum01@mail.ru

Васильев Сергей Владимирович – д.и.н., главный научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл. почта: vasbor1@yandex.ru

* Исследование выполнено в рамках темы НИР «Эволюционный континуум рода Ното». Подтема «Антропология древних и современных популяций»

Ссылка при цитировании: *Веселовская Е.В., Гаврилов А.П., Васильев С.В.* Погребение воина из комплекса Рязано-окских могильников Ундрих 2015. Археологические параллели, антропологическая реконструкция // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 248–273.

Введение

В наши дни, когда по истории древних культур накоплен и обобщен уже немалый междисциплинарный материал, все чаще возникает необходимость комплексного исследования вновь выявляемых исторических источников. Это позволяет не только систематизировать материалы исследований в рамках одной культуры, но и сопоставлять их с исследованиями соседних культур, территорий и, в конечном счете, отслеживать межэтнические связи, миграции и взаимодействия. В этом отношении весьма интересно рассмотреть культуру Рязано-окских могильников первой половины первого тысячелетия новой эры, о носителях которой до сих пор не так много известно. Особенно это касается антропологических характеристик и внешнего облика, из-за плохой сохранности костных материалов. Известно, что это население находилось в плотном взаимодействии с жителями лесостепной и степной зон, являясь при этом наиболее консолидированной группировкой на южной границе лесной зоны, что обусловило его лидирующую роль в регионе в V–VII вв. н. э. (*Гавритухин, Обломский 2007*). Археологическая культура Рязано-окских могильников играла важнейшую политическую и культурную роль при формировании местных финно-угорских народов: *Муромы, Мещеры, Марийцев и Мордвы*, что делает ее своеобразной колыбелью этих этносов и подчеркивает значимость изучения данной культуры в рамках этнической истории России.

История археологических исследований

Изучение Рязано-окской культуры ведется более 100 лет. За время исследований была проделана значительная работа по археологической систематизации и типологии отдельных предметов и комплексов. Еще в 30-е годы прошлого века П.П. Ефименко разработал хронологию рязанских древностей, в которой он определил верхнюю границу бытования Рязано-окской культуры VII в. и выделил 5 стадий: А (II в.), В (III–IV в.), С (V в.), D-I (VI в.) и D-II (VII в.) (*Ефименко 1937*). Впоследствии предложенная им схема была скорее скорректирована, нежели изменена (*Ахмедов, Белоцерковская 1998*). В наши дни, после открытия в Шиловском р-не Рязанской области нового Городищенского могильника, рамки существования Рязано-окцев были расширены до IX века н.э. (*Гаврилов, Конанов 2020*).

С середины 20 века осуществлялись попытки привлечения смежных дисциплин для изучения этой культуры. Так, Т.А. Кравченко на материале Шатрищенского могильника, Спасского района, Рязанской области, применила метод графической реконструкции костюмов посредством привлечения этнографических аналогов (*Кравченко 1974*). В 2005 году при исследовании материалов из раскопок Никитинского могильника Спасского района, Рязанской области, изучали методы технологии литья, текстильного производства, был осуществлен химический анализ стеклянных и металлических изделий (*Воронина, Зеленцова, Энгватова 2005*). Чуть позже одним

из авторов были проведены металлографические исследования клинкового оружия (Гаврилов 2011). В 2019 г. в Лаборатории исторической генетики, радиоуглеродного анализа и прикладной физики МФТИ были проведены предварительные генетические исследования образцов из материалов раскопок А.Н. Гаврилова на могильнике Ундрих в 1983 году (Гаврилов, Мустафин в печати).

Сохранность антропологических материалов

Однако, среди попыток привлечения смежных дисциплин наиболее слабым местом остаётся антропологическое исследование останков носителей Рязано-окской культуры. Предшествующие исследования ограничивались измерением длины костяков, погребенных и определением возраста по зубам. Прежде всего, бедность антропологической информации объясняется плохой сохранностью костного материала в Рязано-окских погребениях. Этот факт, сам по себе, заслуживает отдельного исследования, так как на одних и тех же многослойных памятниках костные останки предыдущих (Никитинский мог., абашевцы) и последующих (Заречье 4, славяне) культур сохраняются удовлетворительно. Напротив, органика, в виде мягких тканей погребенных, кожи и волос, а также остатки текстиля, кожи ремней и упряжи сохраняются в раннем средневековье намного лучше, чем до того и после, на тех же самых археологических памятниках. Костяные изделия в погребениях Рязано-окских могильников также фактически отсутствуют. Этот феномен, возможно, связан с микробиологическими факторами, меняющимися со временем. Однако, в восточном ареале Рязано-окской культуры ситуация с сохранностью материалов несколько лучше. Так, например, в погребении у с. Ерахтур, Шиловского района, Рязанской области был найден костяной черняховский гребень. В некоторых погребениях Борокской группы сохранялись костяные псалии и небольшие костяные предметы, да и сохранность костей в отдельных случаях неплохая, особенно в материалах, где кости соприкасались с металлом. Вероятно, продукты окисления металла выступали в качестве «ненамеренного» консерванта. Настоящее исследование как раз и посвящено такой находке.

Обнаружение погребения комплекса Ундрих 2015 яма 90

Летом 2020 года в Шиловский историко-культурный музейный комплекс из Института археологии РАН от научного сотрудника отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья О.А. Радюша поступил сигнал о новой находке, обнаруженной на Рязанщине: меч эпохи Великого переселения народов. Сотрудниками музея были предприняты работы по выявлению места и условий находки. В результате проделанной работы был музеефицирован неполный комплекс вещей погребения, найденных на могильнике Ундрих у с. Борок, Рязанской области рыбаками из г. Москвы в 2015 году. Разрушенный комплекс обнажился в бровке осыпавшегося раскопа, оставленного экспедицией М.М. Макарова 1981 года, в центральной части северного борта раскопа. Это позволяет, привязать погребение к плану раскопок 1979–1984 года, и продолжить начатую нумерацию присвоив вновь найденному номер ямы 90, продолжая нумерацию, начатую ранее, указание года означает время обнаружения вещей – 2015 год. Таким образом, для анализируемого погребения введен шифр Ундрих 2015 яма 90. При выезде на место, в отвалах ямы были найдены части сцепок-распре-

делителей ремней, тождественных переданным находчиками, что подтверждает обнаружение комплекса на этом месте. Информация о месте и условиях находки была передана в ИА РАН, Олегу Радюшу, а также исследователю Рязано-окской культуры Илье Ахмедову в Эрмитаж.

Значение могильника Ундрих для археологии междуречья Пары и Тырницы. История изучения

Могильник Ундрих находится в междуречье Пары и Тырницы, правых притоков р. Ока, в котором располагается уникальная группа памятников эпохи раннего средневековья, занимающая лидирующее положение в Рязано-окской среде (Ахмедов 2016: 172). Эта группа включает в себя пять Рязано-окских могильников: уникальный курганный комплекс Белые Бугры, где изучено единственное для культуры рязанских финнов подкурганное погребение (Ахмедов 2016: 172), несколько поселений открытого типа, а также два святилищных комплекса. Исследование этой группы памятников было начато ещё до революции В.Л. Городцовым (Городцов 1905) и А.И. Черепниным (Черепнин 1903). Затем исследования проводились в конце XX века А.Н. Гавриловым в период с 1976 по 1984 год. Андрей Николаевич впервые исследовал и описал эти памятники как археологический комплекс раннего средневековья (Гаврилов А.Н. 1976–1984 Арх. ИА:7997. Л 33–35, 7983, 7997. Л. 25., 10656, 9716. Л. 69–71. 7997. Л. 22,23, 9716. Л. 71–73., 3132, Гаврилов 1983. и т.д.). В 21 веке комплекс исследовал И.Р. Ахмедов, проводивший раскопки на могильниках 1 и 2 у села Борок, комплексе Белые Бугры, и Тереховском городище (Ахмедов 2010).

Могильник Ундрих расположен в 3 км к северу от села Борок, Шиловского района, Рязанской области, на левом берегу реки Тырница (правый, приток р. Ока), вост. берег пойменного оз. Ундрих (Ундриха), северная оконечность дугообразного всхолмления Ундрих, которое протянулось с запада на восток. Размеры дюны около 75м в длину, 30 м в ширину, высота над поймой 6-7 м. Слева от нее располагается озеро Килькиха.

Могильник Ундрих был открыт в 1895 году В.А. Городцовым (Городцов 1905: 743, 644), который отметил значительные дефляционные разрушения. Для понимания причин, приведших к разрушению памятника, важно отметить следующее: во-первых, с Ундрихом связана местная легенда о сокровищах, найти которые время от времени делались и делаются попытки. Ундрих всегда считался чудодейственным местом, где и песок особый и необыкновенные чудодейственные корни растут. Видимо, именно эти причины и привели к тому, что территория могильника посещается большим количеством людей. В результате таких посещений, уже к 1978 году на северной оконечности могильника насчитывалось до 40 ям разных размеров и конфигураций. В 1976 году могильник осматривался А.Н. Гавриловым. Была составлена подробная докладная записка в областное отделение ВООПИК о состоянии памятника. Ямы, грозившие разрушением могильнику, были засыпаны.

В 1979 году исследования могильника были продолжены. По материалам разведки составлен паспорт. В том же 1979 году начаты раскопки могильника экспедицией Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника под руководством М.М. Макарова. Вскрыта площадь в 130 кв. м., найдено 20 погребений. В 1981 году раскопки могильника Макаровым М.М. были продолжены: на площади около 187 кв. м. вскрыто еще 27 погребений (открытый лист № 430). Раскопки привлекли внимание не только жителей окрестных сел, но и коллекционеров древностей из Рязани, Шилова.

С 1982 года в районное отделение ВООПИК и Шиловский краеведческий музей стали поступать сведения об участившихся случаях самовольных раскопок. В мае-июне 1983 года памятник подвергся особенно сильным разрушениям, причем кладоискательские ямы вскрыли могилы, расположенные за пределами той ориентировочной границы могильника, которая была намечена по работам Гаврилова А.Н. и Макарова М.М. По плану, поддержанному М.М. Макаровым, работы должны были производиться Гавриловым А.Н. на средства ВООПИК. В ходе работ был обнаружен уникальный берестяной туесок со знаками, римская шпора и монета (Ахмедов 2019: Рис. 11.3), черняховские: фибулы, стеклянные кубки и подвески в форме ведёрка, а также другие многочисленные импорты (Гаврилов 1983). После чего на много лет обследование могильника ограничивалось мониторингом и доисследованием многочисленных ям грабительских раскопок. Пока на рубеже XX и XXI века раскопки Ундриха не были продолжены экспедицией ГИМ (Белоцерковская, Ахмедов 2009).

Описание погребения Ундрих 2015 яма 90. Аналоги, датировка

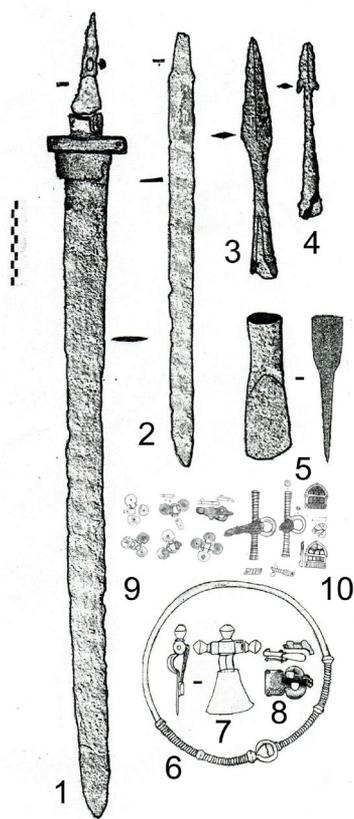

Рис. 1. Артефакты комплекса Ундрих 2015 яма 90. 1.

Среди материалов, переданных в музей п. Шилов, оказались: длинный (более 90 см) двухлезвийный меч с перекрестием (Рис. 1.1); короткий однолезвийный меч около 50 см. длиной (Рис. 1.2); наконечники копья (Рис. 1.3) и дротика (Рис. 1.4), а также вислообушной топор кельт. Также, чуть ранее, в музей поступили остатки крестообразной диадемы (Рис. 1.9) (ШРКМ КП 4562 – здесь и далее приводится музейный шифр). Заметим, что при выезде на место в 2021 году, в отвале ямы были найдены недостающие элементы крестообразной диадемы, в виде щитка и пряжки идентичной переданной, что подтверждает слова информаторов о месте находки данного комплекса. Помимо этого, была получена информация и фотографии об отсутствующих у информаторов поясной пряжке (Рис. 1.8), шейной гривне (Рис. 1.6), фибуле (Рис. 1.7) и комплекса упряжи лошади (Рис. 1.10). Вместе с указанными вещами в погребении были найдены человеческие кости с уникальным по сохранности черепом, находка которого позволяет провести, пожалуй, первое серьёзное антропологическое исследование носителя культуры Рязано-окских могильников.

Анализируя сохранившиеся вещи погребального инвентаря, мы попытаемся максимально точно датировать данный комплекс. Входящие в его состав предметы вооружения из черного металла

представлены исключительно оружием, прежде всего, это асимметрично ромбический наконечник копья (Рис. 1.3) 27 см. длиной, с ромбическим в сечении пером шириною до 3.5 см, имеющий сходящуюся втулку 3 см. диаметром. Затем, двушипный

наконечник дротика (Рис. 1.4) 20,1 см длиной, с треугольным ромбическим пером и оттянутыми вниз шипами до 2,7 см. шириной, диаметр несведенной до конца втулки до 2,8 см. В нижней части у основания на втулке имеется небольшое (до 0,4 см.) отверстие для крепления древка штифтом. Также, в состав погребального инвентаря входил вислообушной топор кельт (Рис. 1.5) длиной 17,5 см. с лезвием шириной до 5,5 см и втулкой диаметром 4 см. Набор вооружения из копья, дротика и кельта является стандартным для большинства мужских погребений, типологически относимых к IV–V векам н. э. Отметим, что подобная стереотипная стандартизация уникальное явление в археологии, отмеченное чуть в меньшей степени у германцев, и в более развитой форме в армии Рима и Византии. Данный воинский набор является своеобразным этническим маркером воинов культуры Рязано-окских могильников, широко распространившимся во II–III веке и бытующим с небольшими вариациями до 9 века.

Длинный меч

Двухлезвийный меч (Рис. 1.1) с перекрестием (Рис. 2) Общая длина с сохранившейся частью – 93 см. Клинок линзовидный в сечении с толщиной у основания 0,8 см. В 10 см. от кончика лезвия толщина составляет 0,43 см. Длина лезвия – 77,4 см., ширина у основания – 4,8 см., в средней части клинка ширина – 4 см. Лезвие, плавно сужающееся на $\frac{3}{4}$ клинка, после чего сужение до 3,7 см. с увеличивающейся кривизной дуги к кончику клинка. Черенок с четко очерченными плечиками 2,2 см. у основания, трапециевидно уплощённый сужающийся на нет, прямоугольный в сечении.

Перекрестие меча (Рис. 2) коробчатое, из четырёх железных паяно-клепаных пластин. Две боковые пластины соединены клепками по краям. Конструкция перекрестия образует на его «парадной» стороне идущие по краю бортики высотой от 0,2 до 0,4 см, сужающиеся к центральной части перекрестия. Со стороны рукояти бортик немного овально выгнут в сторону лезвия на ширину рукояти. С торцов, перекрестие сходится в прямоугольные площадки размером 1,8x0,6 см. Длина перекрестия – 8,4 см, ширина – 1,8 см, толщина по концам перекрестия – 0,6 см, а по центру – 2,2 см. Рукоять была деревянной, овальной формы (толщина – 2,2 см, ширина – 3,2 см, длина не установлена). У основания рукоять обернута серебряной фольговой пластиной шириной 2,5 см, сведённой на «оборотной» стороне внахлест четырьмя сквозными техническими дырочками – заметинами. По стороне, примыкающей к перекрестию, пластина орнаментирована такими же меньшими заметинами, образующими пуансонный орнамент в одну линию. Пластина сохранилась лишь частично. В 10 см от перекрестия рукоять скреплялась сквозным штифтом

Рис. 2. Ундрих 2015 яма 90. Детализация перекрестия меча. Железо, ковка, кузнечная сварка, пайка цветным металлом.

с фигурной овально-миндалевидной головкой с горбатой спинкой длиной 0,9 см, шириной 0,5 см, и толщиной 0,5 см. Также сохранилась лицевая часть устья в виде прямоугольной пластины, огибающей ножны у устья шириной 3 см, а её длина по ширине ножен составляет 6,1 см.

Меч инсигния (*Атавин* 1996) относится к первому типу мечей с эллипсовидным перекрестием по А.М. Хазанову (*Хазанов* 1971), однако коробчатое перекрестие с гнездом под перегородчатую инкрустацию, говорит не только о его инокультурном происхождении, но и позволяют проследить регион производства меча. Корни аналогичных мечей с подобными перекрестиями уходят в вооружение византийской конницы. Мечи, бытовавшие в среде византийской кавалерии, представляли собой дальнейшее развитие поздних римских кавалерийских мечей (спаты) и мечей, привнесенных на европейские просторы первоначально сарматами, а затем готами и гуннами. Мечи второй группы («варварские»), первоначально возникнув на территории Китая, впоследствии распространились на весь Евразийский континент. Изначальные черты этих мечей дополнялись элементами (как правило, декоративными), присущими тому или иному народу, в среде которого они получили свое дальнейшее распространение (*Алексинский и др.* 2019). Мечи с подобными перекрестиями преимущественно зафиксированы на памятниках северо-восточного Причерноморья. Они в большей степени характерны для Восточной Европы, нежели Западной, при этом в Западную Европу они приходят не из Византии, а от восточных соседей в период Великого переселения народов (*Казанский* 2007). Мечи с подобным типом перекрестия получили название «понтийских» (*Menghin* 1994, 1995). При этом мечи, имеющие железную гарду, образуют особую серию. Это мечи из Гагра-Цихерва, Абхазия; Бежа, Португалия; Паннонхалма, Венгрия; Дижон, Франция (*Казанский* 2019: 115). Мечи, принадлежащие к этой серии, могут быть отнесены к оружию т. н. азиатского типа (*Menghin* 1994–1995: 165–175). «Азиатские» мечи в Европе распространяются на поздней стадии гуннского времени (*Tejral* 2011: 282–285), т. е. в период D2/D3 хронологии европейского Барбарикума, который соответствует времени Аттилы и распаду гуннского объединения (430/440–460/470 гг.). По мнению М.М. Казанского, вряд ли стоит связывать появление мечей «азиатского» типа с каким-то реальным восточным импульсом в гуннскую эпоху хотя бы потому, что клинковое оружие с железной гардой хорошо известно в восточноевропейской степи уже в позднесарматское время (*Скрипкин* 1990: рис. 22, 1, 3, 6, 7; *Kazanski* 2009: 101). Однако этот тип перекрестий является, вероятно, продукцией север-восточных причерноморских мастерских конца V века (*Казанский* 2019: 116).

Из наиболее близких территориально аналогов следует отметить меч сходной конструкции из Саратовского Поволжья, памятник Покровск-Восход. (*Kazanski* 2001). В Рязано-окской ойкумене двухлезвийный меч с железным перекрестием с гнездами под инкрустацию был найден на Никитинском могильнике во время археологических работ И.Р. Ахмедова в погребении 191 (*Ахмедов* 2010: 127, Рис. 11.6). Илья Рафаэлиевич отмечает редкость предметов с перегородчатой инкрустацией в Рязано-окских древностях и обращает внимание на ритуальную особенность извлечения стеклянных (и иных) вставок из подобных предметов (*Ахмедов* 2010: 109). По совокупности материалов это погребение датируется концом V века (*Белоцерковская, Ахмедов* 2009).

Очень близкий типологически меч происходит из погребения конца V века (погребение 110, могильник 2 у села Борок, которое четко датируется 2 половиной V в.

н. э.) (Ахмедов 2001). Примечательно, что фурнитура этого меча, включающая в себя остатки железного перекрестия, также содержала некий коробчатый элемент, плакированный серебром. Также, этот комплекс содержал бронзовые позолоченные пряжки с гнездами для инкрустации, которые, вероятно, служили для застёгивания воинской портупей. К ней крепились пара мечей: длинный двухлезвийный меч с железным перекрестием и короткий однолезвийный скрамасакс. Еще в материалы погребения входили наконечники копья, дротика и боевой топор кельт. Это, по сути, делает комплекс 110 Борокского могильника почти полной аналогией публикуемого нами комплекса погребения 1 Савостьяновского могильника и позволяет датировать его концом V-го века (Ахмедов 2001).

Короткий меч

Короткий меч (Рис. 1.2), категорию которых принято интерпретировать как «скрамасаксы», соотносится с кругом статусной вождеской иерархии (Ахмедов 2010). И.Р. Ахмедов относит данный тип мечей ко 2 типу однолезвийных мечей, восходящих к типу 1 гуннского и постгуннского времени. Этот тип мечей представляет собой однолезвийные мечи средних размеров с прямым обухом, лезвием одинаковой ширины по всей длине, ассиметрично сужающемся на конце. Сечение клинков треугольное. Длина мечей составляет порядка 60 см, длина – 40 см, ширина лезвия у основания – от 3 до 3,5 см. По форме острия и перехода от черенка к клинку его можно отнести к подтипу «а» (по Ахмедову). Тыльная часть почти прямая, режущая часть загибается к острию по дуге под тупым углом. Наш экземпляр относится к разновидности клинков с плавно ассиметричным переходом лезвия в черенок.

В Рязано-окских могильниках встречено 7 находок таких мечей: Никитинский могильник, погр. 63 (раскопки И. Р. Ахмедова), находка в слое у погр. 167 (во фрагментах), погр. 9/171 (раскопки Р. Ф. Ворониной); Кораблинский могильник, погр. 106 (раскопки И. В. Белоцерковской); Шокшинский могильник, погр. 255 (раскопки В. Н. Шитова); Борковской могильник, погр. 63 и 54 (раскопки А. В. Селиванова). Также к этому типу по форме лезвия и ширине клинка, возможно, относится фрагмент меча из случайной находки у поселка Пролетарский, расположенного рядом с поселком Шилово, и меч в двух фрагментах, найденный на могильнике Борок 2 в 1988 г. (ШРКМ, инв. № 435, 465, 170). Для определения хронологических рамок бытования этого типа мечей было проведено исследование сериации Рязано-окских погребальных комплексов с клинковым оружием, датировка которых в целом отнесена к последним десятилетиям V – первой половине VI в. Подобные мечи известны и в памятниках безводнинско-ахмыловского круга: Подвизьевском, Безводнинском и Ахмыловском могильниках. Находки подобных «скрамасаксов», датируемых концом V–VI в., широко распространенных в восточной Европе от Прибалтики до Закавказья (Ахмедов 2019). По мнению М.М. Казанского, такие мечи «скрамасаксы» имеют римское и византийское происхождение, особенно на территориях, связанных с восточной частью империи (Казанский 2012).

Предметы из цветного металла

К сожалению, за небольшим исключением, предметы из цветного металла не были доступны авторам данной работы, и мы знаем о них только по фотографиям.

Пряжка (Рис. 1.8) с объемной обоймой, рамка пряжки в виде массивного прямоугольника с ребром по внутреннему краю, язычок тоже массивный с крупной прямоугольной площадкой у основания, в его передней части стилизованное изображение головы животного. Подобные пряжки распространяются в Рязано-окских древностях в постгуннское время, в период ЗС2, датированный последними десятилетиями V – началом VI вв. (погр. 4 Никитинского могильника из раскопок И.Р.Ахмедова, погр. 34 и 91 Шатрищенского могильника из раскопок Т. А. Кравченко, погр. 71 Борковского могильника и в сборах Н. В. Говорова на этом памятнике в 1931 г.). Эти пряжки представляют собой более поздние варианты тех форм, которые появляются на рязанском течении реки Оки в результате дунайского культурного импульса начальной фазы постгуннского времени (Ахмедов 2007: 147–150; схема 3. Рис. 31: 2; 2014а; Рис. 9: 8,9).

Аналогичная пряжка вкупе с коротким мечом, идентичным нашему короткому клинку, найденная в погребении 63 Борковского могильника, датируется началом 6-го века (Спицын 1901).

Фибула

Также в состав инвентаря погребения 63 Борковского могильника, входили крестовидная бронзовая фибула (Рис. 1.7) 5 века (Ахмедов 2012) и массивная шейная гривна из белого металла (Рис. 1.6), из круглого в сечении дрота с напускными бусинами и проволочной обмоткой. К сожалению, не имея возможности работать с этими вещами, мы ограничимся их упоминанием. Добавим, что их датировка также укладывается в даты, намеченные временем бытования предметов из черного металла.

Остатки упряжи. (Рис. 1.10) Состояли из пары стержней бронзовых видных псалий с круглой скобой для крепления упряжи. Стержни псалий гафрированные расширяющиеся к концам, круглые в сечении. Аналогичные псалии известны из могильника Pecsuszog где они датируются V веком (Tomka 1986). Также от узды сохранились остатки щитка пряжки инкрустированного вставками стекла (?) и остатки четырёх коробчатых ременных разделителей, также инкрустированных стеклянными вставками. Наиболее близким аналогам их можно считать разделители из погребения 10 могильника Лермонтова Скала (Казанский, Мастрыкова Рис. 4.11) Подобные разделители только без вставок в менее антрактовой форме происходят из расположенного в этом же комплексе мог. II у с.Борок пог. 110 (Ахмедов 2001: рис.4.8–11), которое сходно с рассматриваемым нами погребением наличием пары мечей и пряжек с гнездами под инкрустацию. В целом комплекс датируется также концом 5-го века (Ахмедов 2001: 112).

Остатки диадемы

Особый интерес представляют остатки элементов от крестообразной, кожаной диадемы (Рис. 1.9). Диадема состояла из пяти сцепок-распределителей ремней из тонкой фольги, состоящих из согнутых пластинчатых щитков (псевдопряжками) с округлыми щитками 1.5 см диаметром, крепящихся в четырех случаях по три щитка на одно кольцо, из круглой в сечении сомкнутой проволоки, диаметром до 1.7 см, сечением около 4 мм. В одном случае сцепка состояла из четырех щитков, крепящихся на одно кольцо. Крепились щитки к кожаным ремням посредством железных штифтов на головке которых с лицевой стороны были одеты скорлупообразные полусферические

жемчужины из тонкой серебряной фольги, со свинцово-оловянистым заполнением, на момент поступления в музей от них остались лишь следы от тлена (ШРКМ КП 4562). Эти сцепки-распределители располагались инситу на черепе погребенного, что вероятно так же способствовало его хорошей сохранности черепа, за счет выделения солей металла. Сцепка из четырех колец располагалась на темени погребенного, а сцепки-приёмники по три щитка на кольце располагались: одна на лбу погребенного и две по его вискам, также обломки еще одной сцепки и пряжки были найдены под черепом. В 2021 году в отвале ямы был найден один из щитков сцепки, а также маленькая овальнорамчатая пряжка с длинным хоботковым язычком и треугольным, вытянутым щитком с наложенными по краям скорлупками-жемчужинами. Выполненными в той же технике и металле что и сцепки-распределители длиной до 5 см и шириной 1,7 см. Эти пряжки широко датируются концом V началом VI века. Подобные уборы имеют множественные аналоги в могильниках Ундрих и Борок 2, Шиловского района, Рязанской области (Ахмедов 2006). Аналогичная диадема происходила из пг.65 м. Ундрих 1991 г, а также из разрушенного погребения того же памятника (Ахмедов 2019: рис.6.1). Подобные распределители были найдены на территории с. Борок (Ахмедов 2019: рис.6.2.). На могильнике II у с. Борок были найдены инситу две подобных диадемы многократно интерпретируемые И.Р. Ахмедовым как головные уборы конца V в. (Аkhmedov 2007) Аналоги подобным диадемам и их элементам сконцентрированы в древностях середины – третьей четверти V в. и отождествляются с различными группировками германцев на среднем течении Дуная (памятники: Мещ, Сигмундесберг, Виен-Леопольдау, Велика Бахта, Маритейя), на нижнем Рейне (памятники: Гондорф, Мальберг), отдельная находка известна в Южной Швеции (Сьюруп). На территории Восточной Европы подобные детали найдены на острове Хортица, в Хмельне в Среднем Поднепровье, а также в пог. 5 Безводнинского могильника (Ахмедов 2006: 157–164; Аkhmedov 2007: 263–274.) В настоящий момент опубликована (Ахмедов 2019: рис. 9.1) диадема, экспонируемая в Шиловском музее (ШРКМ КП 4562).

Антропологическое исследование

Краниология

Череп воина из комплекса Ундрих 2015 яма 90 имеет хорошую сохранность. Исследование проводили по классической краниологической программе (Алексеев, Дебец 1960). Результаты его представлены в таблице 1, где в правой колонке указаны градации, в которые попадают размеры изученного черепа.

Для характеристики относительных пропорций и формы черепа рассчитывали ряд указателей, которые представлены в таблице 2. В правой колонке даны градации, в которые попадают рассчитанные индексы.

Таблица 1

Основные размеры черепа из комплекса Ундрих 2015 яма 90

№ По Мартину	Признак	Размер	Градации по Алексееву, Дебецу, 1964
1	Продольный диаметр	197	ОБ
8	Поперечный диаметр	136	ОМ

Таблица 1 (продолжение)

№ По Мартину	Признак	Размер	Градации по Алексею, Дебецу, 1964
17	Высотный диаметр	135	С
5	Длина основания черепа	105	Б
9	Наименьшая ширина лба	94	С
10	Наибольшая ширина лба	121	Б
11	Ширина основания черепа	123	С
12	Ширина затылка	112	Б
29	Лобная хорда	116	Б
30	Теменная хорда	120	Б
31	Затылочная хорда	100	Б
26	Лобная дуга	130	С
27	Теменная дуга	136	Б
28	Затылочная дуга	123	Б
45	Скуловой диаметр	137	Б
40	Длина основания лица	101	С
48	Верхняя высота лица	68	М
47	Полная высота лица	117	С
43	Верхняя ширина лица	112	ОБ
46	Средняя ширина лица	99	С
55	Высота носа	53,3	С-Б
54	Ширина носа	27,2	Б
51	Ширина орбиты от мф.	43,8	Б
52	Высота орбиты	33,7	С
77	Назо-молярный угол	1410	С
<zm	Зигма-максиллярный угол	1280	М
SC(57)	Симотическая ширина	6,9	М
	Симотическая высота	3,6	С
MC(50)	Максиллофронтальная ширина	17	
MS	Максиллофронтальная высота	7,2	

Таблица 1 (продолжение)

№ По Мартину	Признак	Размер	Градации по Алексееву, Дебецу, 1964
	Глубина клыковой ямки (справа)	5	С
	Высота изгиба скуловой кости (по Ву) (справа)	11	
	Ширина скуловой кости (по Ву) (справа)	52	
75 (1)	Угол выступания носа	240	С
71а	Наименьшая ширина ветви	35	С
65	Мышелковая ширина	126	Б
66	Угловая ширина	98	С
67	Передняя ширина	45	С
69	Высота симфиза	35	Б
69(1)	Высота тела	31	С
69(3)	Толщина тела	13	С

Таблица 2

Краниофациальные указатели черепа из комплекса Ундрих 2015 яма 90

№ по Мартину	Указатель	Значение	Градации по Алексееву, Дебецу, 1964
8/1	Черепной указатель	69,0	ОМ
17/1	Высотно-продольный указатель	68,5	ОМ
17/8	Высотно-поперечный указатель	99,3	Б
29/26	Указатель кривизны лобной кости	89,2	Б
30/27	Указатель кривизны теменной кости	88,2	М
31/28	Указатель кривизны затылочной кости	81,3	М
9/8	Лобно-поперечный указатель	69,1	Б
12/8	Затылочно-поперечный указатель	82,4	Б
48/17	Вертикальный краниофациальный указатель	50,4	М
45/8	Поперечный краниофациальный указатель	100,7	ОБ
9/45	Лобно-скуловой указатель	68,6	М
40/5	Указатель выступания лица	96,2	С

Таблица 2 (продолжение)

№ по Мартину	Указатель	Значение	Градации по Алексеву, Дебецу, 1964
48/45	Верхний лицевой указатель	49,6	М
48/46	Верхний среднелицевой указатель	68,7	М
54/55	Носовой указатель	51,0	С
52/51	Орбитный указатель	76,9	М
	Симотический указатель	52,2	
	Максиллофронтальный указатель	42,4	

Описание мозговой коробки

Форма черепной коробки при взгляде сверху овоидная – наибольшая ширина черепа падает на заднюю часть мозговой коробки, лобные и теменные бугры сглажены. Череп погребенного может быть описан как удлинённый и относительно узкий – гипердолихокранный

Высотно-продольный указатель малый – хамекранный. В категорию акрокранных черепов попадает он по высотно-поперечному указателю. Оба показателя говорят об относительно высоком черепе.

Лоб прямой и визуально довольно широкий. Абсолютные размеры наименьшей и наибольшей ширины лба входят в категорию средних. По лобно-поперечному указателю череп мегаземный (широколобый). Лобно-скуловой указатель малый. По достаточно высокому указателю кривизны лобной кости можно сделать вывод о не очень сильном ее изгибе. Развитие надпереносья оценивается в четыре балла по шестибальной шкале Брока. Надбровные дуги (тип II) – заходят за середину верхнеорбитноо края и образуют одно возвышение с глабеллой.

Теменные бугры расположены высоко. Относительно низкий указатель кривизны теменных костей говорит о небольшом радиусе изогнутости их. Сосцевидные отростки не большие для мужчин, оцениваются баллом 2. Затылок широкий.

Описание лицевого скелета

Лицевая часть черепа не широкая и относительно низкая, по верхнелицевому указателю – зуриенная (показатель низколицести). Углы горизонтальной профилировки относятся к категории средних и малых, т.е. лицо достаточно хорошо профилировано. Не сильный альвеолярный прогнатизм подтверждается значениями указателя выступления лица (указатель Флоуэра). Краниофациальный вертикальный указатель имеет небольшое значение, то есть наблюдается тенденция сочетания низкого лица и высокой мозговой коробки. Наоборот, краниофациальный поперечный указатель достаточно высок, что говорит о сочетании широкого лица и относительно узкой мозговой коробки.

Орбиты не высокие и относительно не широкие (мезоконхные). Верхний край орбиты притупленный. В абсолютных размерах нос высокий и относительно широкий (хамеринный), тоже подтверждается и носовым указателем. Угол выступления

носа средний. Симотический и максиллофронтальный указатели входят в категорию больших и средних, что говорит о некоторой высоте переносья.

Зигомаксиллярная область узкая, грацильная. Нижний край грушевидного отверстия – *anthropina*, то есть боковые края грушевидного отверстия непосредственно переходят в нижний край, имеющий острую форму. Развитие передне носовой ости оценивается баллом 2.

Биологический возраст по стертости зубов и по облитерации швов мозговой корочки оценивается в 35-40 лет (ближе к 35).

Антропологическая реконструкция внешности погребенного из комплекса Ундрих 2015 яма 90

Учитывая малое количество антропологического материала из памятников Рязано-окских могильников, было решено провести полное комплексное исследование одного погребения, где хорошо сохранился череп, в том числе провести реконструкцию внешности как в виде плоскостного портрета, так и скульптурного. Метод восстановления внешности на основе черепа был разработан российским антропологом М.М. Герасимовым, что нашло отражение в его знаменитых фундаментальных трудах (*Герасимов* 1949, 1955). Метод постоянно используется в палеоантропологии для реконструкции внешнего облика представителей древних популяций. Многое сделано современными учеными для совершенствования приемов восстановления прижизненных особенностей головы на основе черепа. В Лаборатории антропологической реконструкции ЦФА ИЭА РАН после многолетних исследований создана и апробирована программа «Алгоритм внешности», обобщающая опыт российской школы антропологической реконструкции и включающая основные достижения зарубежных специалистов (*Веселовская* 2018). Современные реконструкции, выполненные с применением этой программы, отличаются большой достоверностью и точной передачей деталей, индивидуализирующих внешность.

Работа над восстановлением облика начинается с подробного изучения черепа. Проводят измерения, фиксируют описательные признаки и индивидуальные особенности. Затем с применением программы «Алгоритм внешности» рассчитывают прижизненные параметры на основе измерений черепа, оценивают пропорции головы, реконструируют качественные характеристики (*Веселовская* 2018). В таблице 3 суммированы прижизненные размеры индивида из ямы 90 комплекса Ундрих 2015, полученные путем прибавления толщины мягких тканей в соответствующих точках и путем расчёта по уравнениям регрессии. В правой колонке проставлены градации значений (малое, среднее, большое) для ряда размеров.

Графическая реконструкция опирается на предварительную большую работу по построению прижизненных контуров головы на обводе черепа, сделанном на специальном приборе диоптографе. На рисунках 3 и 4 представлены два ракурса контурной реконструкции анфас и профиль. Глядя на контурные реконструкции, легко видеть, как происходит это построение, какую толщину тканей следует добавлять в различных участках черепа при работе над созданием контура головы. Существуют особые рекомендации для построения профиля спинки носа по контуру грушевидного отверстия, восстановления глазной и ротовой областей лица (*Лебединская* 1989; *Расказова и др.* 2020). При переходе к собственно графической реконструкции следует

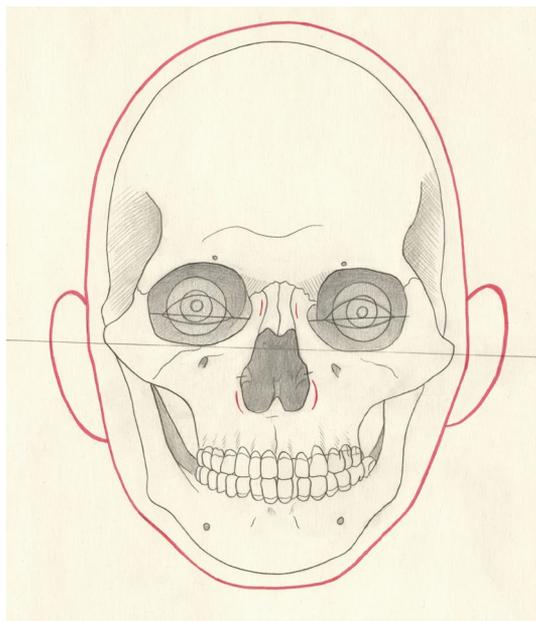

Рис. 3. Контурная реконструкция по черепу воина из погребения комплекса Ундрих 2015, яма 90. Фас. Авторы. В.Веселовская, О.И. Алехина

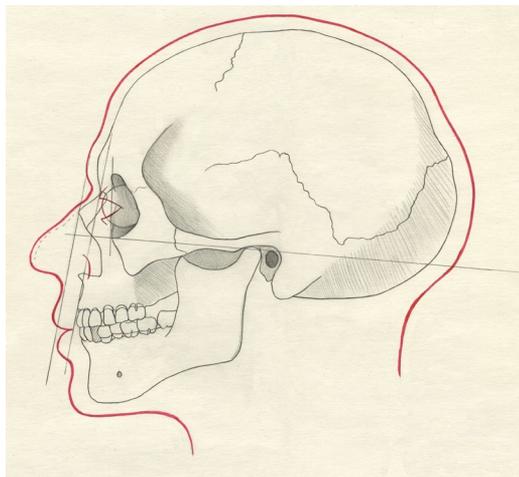

Рис. 4. Контурная реконструкция по черепу воина из погребения комплекса Ундрих 2015, яма 90. Профиль. Авторы Е.В. Веселовская, О.И. Алехина.

Рис. 5. Графическая реконструкция по черепу воина из погребения комплекса Ундрих 2015, яма 90. Без атрибутики. Фас. Авторы Е.В. Веселовская, О.И. Алехина.

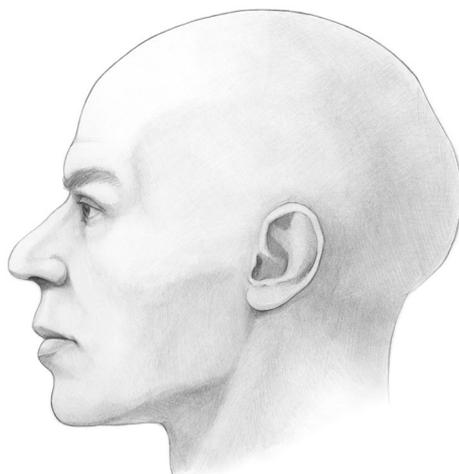

Рис. 6. Графическая реконструкция по черепу воина из погребения комплекса Ундрих 2015, яма 90. Без атрибутики. Профиль. Авторы Е.В. Веселовская, О.И. Алехина.

сначала наметить отдельные визуальные плоскости – участки лица, по-разному отражающие направленный свет, которые должны быть выделены разными типами штриховки. Главное, чтобы эти участки соответствовали именно данному конкретному лицу. Определять плоскости надо с учетом рельефа черепа и строения его отдельных участков. В нашем случае графическую реконструкцию мы решили представить в двух видах. Первый вариант был выполнен без волос и растительности на лице для демонстрации антропологического типа (Рис. 5, 6). Второй вариант показывает внешность погребенного в сочетании с археологическими деталями: одеждой, украшениями, головным убором и в характерном для тех времен обличье – с бородой, усами и длинными волосами. Первый вариант графического портрета выполнен Е.В.Веселовской в соавторстве с О.И. Алехиной, второй вариант выполнил художник П. Алешин, используя изображение рисунка 4 (Рис. 7).

Рис. 7. Графическая реконструкция по черепу воина из погребения комплекса Ундрих 2015, яма 90. В полном воинском облачении. Фас. Автор П. Алешин.

Таблица 3

Индивидуальные прижизненные характеристики индивида из комплекса Ундрих 2015 яма 90, рассчитанные по черепу

Признак	Размер в мм	Градации по Веселовская, 2018
Продольный диаметр	213	
Поперечный диаметр	151	
Ширина лба	132	
Наименьшая ширина лба	106	М
Ширина лица на уровне глаз	121	
Длина глазной щели	26	
Скуловой диаметр	146	С
Ширина переносья	15.5	

Таблица 3 (продолжение)

Признак	Размер в мм	Градации по Веселовская, 2018
Ширина спинки носа	24.5	
Ширина носа	32	М
Расстояние между носогубными складками	48.7	М
Ширина рта	56.5	С
Ширина подбородка	59.5	С
Угловая ширина нижней челюсти	110	С
Физиономическая высота лица	193.7	Б
Морфологическая высота лица от нижнего края бровей	134	Б
Высота лба <i>tr</i> – нижний край бровей	60	
Высота глазной щели	10	
Скулочелюстная высота	71	
Высота носа от нижнего края бровей	63	С-Б
Высота крыла носа	Пр.17.5 Лев. 20	Б
Высота верхней губы	17	М
Высота нижней челюсти	50	С
Высота подбородка <i>sm-gn</i>	27	М
Высота уха	64	С
Ширина уха	38	С

Следующим этапом работы над созданием облика представителя культуры Рязано-окских могильников было создание объемного скульптурного портрета. Для этого используют специальный твердый скульптурный пластилин, нарезанный пластинами разной толщины. В первую очередь формируют жевательные мышцы, затем по всей поверхности свода черепа наносят полосы из пластилина толщиной от 5 до 10 мм в зависимости от конкретной области. На лице выставляют метки, соответствующие толщине тканей на данном участке. Построение носа и глаз проводят по методикам, разработанным в Лаборатории антропологической реконструкции. Обязательно учитывают все прижизненные размеры, полученные на основе этого черепа (Табл. 3). На **рисунке 8** представлен вариант скульптурной реконструкции без атрибутики, здесь хорошо видны все особенности антропологического типа и индивидуальные черты внешности. С помощью программы *Словесный портрет* представим описание внешнего облика.

По абсолютным размерам лицо узкое и высокое. Нос узкий средней высоты.

Далее представляем описание пропорций лица, основанное на расчете индексов (относительных размеров), и качественных признаков внешности.

Головной указатель 70,1, очень низкий, выраженная долихокrania, голова в лобно-затылочном направлении очень длинная. Форма головы в профиль яйцевидная, с выступающим затылком. Форма лица анфас овальная. Вертикальная профилировка носовая. Горизонтальная профилировка значительная. Относительная ширина лица малая, ухо некрупных размеров, гармоничных пропорций.

Направление лба вертикальное, линия лба волнистая из-за выраженного надбровного рельефа. Контур бровей ломаный. Лобные бугры выражены в средней степени. Рельеф в области надбровья и глабеллы значительно развит. Относительные ширина и высота лба попадают в категорию средних.

Скулы выглядят выступающими. Отмечается асимметрия носовой области: левое крыло носа расположено выше правого. Нос узкий, по высоте средний, выступает значительно. Спинка носа в профиль прямая с едва заметной горбинкой. Переносье средней глубины, узкое, а спинка носа достаточно широкая, что создает своеобразную форму спинки в анфас.

Глазное яблоко не выпуклое. Глазная щель в высоту и длину небольшая.

Верхняя губа низкая, ротовая щель средней ширины. Размеры нижней челюсти и подбородка средние, несколько сдвинуты в область низких значений.

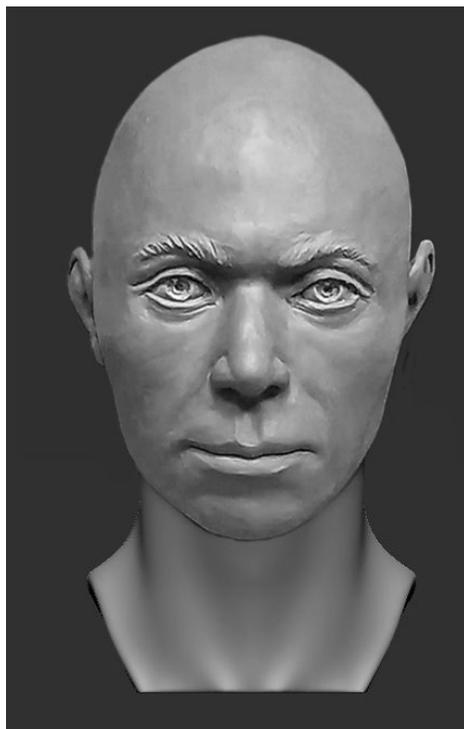

Рис. 8. Скульптурная реконструкция по черепу воина из погребения комплекса Ундрих 2015, яма 90. Одна из стадий, без атрибутики. Авторы Е.В. Веселовская, О.И. Алехина.

Заключение

Таким образом, по совокупности инвентаря, мы вправе датировать погребение Ундрих 2015 яма 90 самым концом пятого века. Однако, учитывая относительность принятых датировок, нельзя исключить, что данное захоронение было совершено и в первые два десятилетия 6 века. Типологически погребение укладывается в один ряд всаднических Рязано-окских погребений: пог. 50 Ундрих 83, пог. 190, 265 Борок 2, пог. 4 Заречье и т.д. Наиболее точным морфологическим аналогом можно считать пог. 110 м.2 у с. Борок. По наличию крестообразных диадем анализируемый индивид тождествен погребению 65 Ундрих 1991, а также погребениям 76 и 125 м.2 у с. Борок. Пары мечей зафиксированы в пог. 55 Заречье, погребениях 105, 110, 136, 263 могильника Борок 2 и погребениях 14, 62, 91, 111 могильника Ундрих (Гаврилов 2015). По составу инвентаря перед нами явно взрослый воин, всадник, имеющий высокий статус

в обществе, о чем свидетельствуют находки в погребении шейной гривны и фибулы, богатой упряжи, а также крестообразной диадемы. Это же подтверждает наличие двух мечей, характерных для вождеских погребений восточной Европы (*Казанский* 2010). Пара мечей зафиксирована в 11 комплексах междуречья р. Пары и р. Тырницы: одна пара в погребениях III–IV века, одна – в погребении VII-го века, остальные относятся к V–VI векам нашей эры. Во всех случаях длинный меч был двухлезвийный, короткие же мечи в 50% были однолезвийными, а в 50% двухлезвийными (*Гаврилов* 2016: рис.1–3.) Почти всегда это погребения с полным воинским набором, состоящим из наконечников дротика и копья, а также топора кельга. Исключение составляют лишь некоторые женские погребения. Почти всегда их сопровождали предметы упряжи коня, поясная гарнитура, не редки фибулы и шейные гривны. Таким образом, можно предполагать, что погребений в 90-ой яме человек с двумя мечами принадлежал к воинской элите рязано-окского общества (*Ахмедов, Казанский* 2004).

Крайне редко мечи встречаются в погребениях, лишённых прочих статусных вещей, обычно это воины с украшенным поясом и фибулой (*Ахмедов* 1998). Чуть реже погребенного хоронили с шейной гривной, которая, несомненно, свидетельствовала о его особом положении. Такие гривны вручались отличившимся воинам, как в римской, так и в византийской армиях. В трёх случаях на головах погребенных присутствовали статусные головные уборы, свидетельствующие об их исключительно высоком положении в обществе (*Ахмедов* 2012). Причем в двух из этих трех случаях речь идет о «паре мечей» (заметим, что в двух комплексах с орлиноголовыми диадемами были лишь короткие мечи, что, вероятно, говорит об их статусной роли «верховных» правителей). Мода на ношение «пары мечей» распространилась из римской и византийской армий. Впрочем, распространилась она столь широко, что была популярна по всей Европе. В целом, ситуация с мечами в Рязано-окской среде совпадает с общеевропейской. Динамичная реакция на все изменения воинской моды свидетельствует в пользу вовлеченности жителей Средней Оки во все основные процессы эпохи переселения народов.

Таким образом, в экипировке воина из ямы 90 содержались предметы, говорящие о его высоком социальном статусе. Вероятно, мы имеем дело с родовым «вождем», сельским старостой или военачальником уровня младшего князя, или же представителя властного клана. Вместе с тем, инокультурное вооружение, а также манера ношения парных мечей говорят не просто о знакомстве этого воина с общей восточноевропейской модой, но и о вероятной вовлеченности этого субъекта в процессы великого переселения народов. Возможно, он принимал участие в дальних воинских походах в места, где его статусные маркеры, такие, как пара мечей, шейная гривна и крестовидная фибула, были понятным всем признаком статуса и этнической принадлежности. За идентификацию этнической принадлежности отвечала крестовидная фибула Рязанского типа (*Ахмедов* 1998). Надо отметить, что Рязано-окская культура имела свой особый тип фибул, который образует крайнюю северо-восточную группу этнических маркеров (*Гаврилов* 2017). Нижняя челюсть погребенного слева окрашена в зеленый цвет окисью меди от этой фибулы. Скорее всего, она застёгивала плащ у правого плеча погребенного воина, на шее была одета серебряная массивная гривна, широкий пояс был застегнут пряжкой, к этому поясу крепился «скрамасакс», длинный меч крепился, вероятно, к перекинутому через плечо длинному ремню двумя скобами. Не исключено, что, как в погребении 110 могильника Борок, два портупейных ремня крестообразно пересекались на груди.

Рубеж пятого и шестого века характеризуется в Рязано-окской среде высокой военной активностью, в результате которой на Средней Оке появляется целый ряд импортных вещей причерноморского и центрально-европейского происхождения. Они свидетельствуют об участии местного населения в процессах, происходивших на северных рубежах византийского мира. И.Р. Ахмедов связывает их появление с военной компанией сыновей Атиллы и их союзников (Ахмедов 2020). В этот период на Средней Оке появляются целые элементы воинской вождеской моды: парные мечи, шлемы, уздечные наборы и поясные гарнитуры «гуннского» круга. Многие из них в VI-м веке продолжают распространяться на Рязанщине, как то: элементы с орлиноголовым декором, ставшие важным социальным маркером в Рязано-окской среде. Весьма перспективной представляется идея о появлении в Восточной Европе некоторых предметов (типа пряжек) типа Наумбург «с элементами остатков черняховского населения», выбитого со своих мест при обратном движении гуннов из Европы (Бажан, Каргопольцев 1989б: 29). Волна этого импульса начинает доминировать в Волго-окском междуречье (Гаврилухин, Обломский 2007: 391). И.В. Белоцерковская выделяет горизонт захоронений людей, ставших жертвами военных столкновений во второй половине V века. «Вернувшийся» Рязано-Окский импульс (Ставицкий 2017: 17) впитал в себя множество импортов. Это, вероятно, завершает процесс образования варварского королевства на Средней Оке (Ахмедов, Казанский 2004: 170–171). Заметим, что междуречье Пары и Тырницы в V–VI веке сочетает в себе все основные признаки, отмеченные М.М. Казанским (материалы семинара Хронограф) для выделения варварских королевств, как то: концентрация компактной группой нескольких городищ, поселений и сакральных центров, а также могильников, содержащих статусные погребения. Подобные группы четко выделяются в Западной Европе и описаны для варваров античными и средневековыми авторами (Казанский, Мастыкова, Скворцов 2017: 39) и определяются как региональные «центры власти» (Кренке, Казанский и др. 2021: 115), присущие варварским королевствам. Последние являлись своего рода вершиной развития предгосударственных форм вождества. В объединённых кланах закладывались основы наследственной власти типа королевской (Казанский, Мастыкова 2001: 146). Примечательно, что по мнению М.М. Казанского княжеско-вождеские институты формировались вокруг личности вождя и его клана, чем объясняется гетерогенность варварской верхушки. Такая гетерогенность проявляется, например, в тесных династических связях гуннской, германской и аланской аристократий, засвидетельствованных письменными источниками. Напомним, что заключение династических браков в древности и средневековье являлось одной из форм легитимации военно-политических союзов. Властные кланы имели свою специфику, которая выражалась как в характере украшений, так, возможно, и в физическом облике. Это вновь возвращает нас к истории Рязанского «Бабьего царства» и преданий о выборе мужей (Мещерские сказы 2020). Таким образом, рассматриваемое нами погребение принадлежит одному из членов главенствующих кланов, властной группы Рязано-окского барбарикума периода формирования аутентичной государственности. Это время максимального расцвета Рязано-окцев на средней Оке: начало их миграций, приведших со временем к формированию таких народностей, как Муром, Мордва и Марийцы, и освоению верховьев Воронежа и Суздальского Ополя.

Краниологический анализ и выполненная по черепу реконструкция прижизненного облика воина из комплекса Удрих 2015 яма 90, позволяют сделать вывод о

присутствии в антропологическом типе рязано-окцев южного компонента. На это указывают общая грацильность черепа, узкая длинная форма головы, значительная профилировка лица. По этим показателям данного индивида можно отнести к средиземноморскому антропологическому типу. Однако мы воздержимся от поиска аналогий среди окружающего населения, поскольку имеем дело с единичной находкой. Для уточнения антропологического облика носителей культуры рязано-окских могильников необходимы дальнейшие исследования. На данный момент мы представляем прижизненный облик одного из представителей высшего воинского сословия этой ключевой для данного региона культуры.

Научная литература

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия. 1960. С. 128.
- Алексинский Д. П., Жуков К. А., Бутягин А. М., Коровкин Д. С.* Всадники войны. Кавалерия Европы, конница армии Византии. VI в. Источник: https://historylib.org/historybooks/D-P-Aleksinskiy_Vsadniki-voyny-Kavaleriya-Evropy. 2019.
- Атавин А.Г.* Культура Евразийских степей 2 половины 1 тыс. н.э. Погребения 7-нач. 8 вв. из Восточной Европы. Самара. 1996. С. 219.
- Ахмедов И.Р. Белоцерковская И.В.* О начальной дате рязано-окских могильников // Археологический сборник. Тр. ГИМ. Вып. 96. М., 1998.
- Ахмедов И.Р.* Рязано-окские «крестовидные» фибулы // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. Материалы междунар. науч. конф., посвященной 100-летию П.Д. Степанова. Саранск, 1998.
- Ахмедов И.Р.* «Воинское погребение из могильника» Борок II. Тверской археологический сборник. Вып. 4. Том II. Тверь 2001.
- Ахмедов И.Р., Казанский М.М.* После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Доклады научной конференции, посвящённой 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова, С.-Петербург 14-17 ноября 2000 г. СПб., 2004.
- Ахмедов И.Р.* Крестовидные диадемы в эпоху Великого Переселения народов. Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов. Ижевск, 2006.
- Ахмедов И.Р.* Инвентарь мужских погребений. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / отв. ред. И.О. Гаритухин, А.М. Обломский. Сер. РСМ. Вып. 9. М., 2007.
- Ахмедов И.Р.* Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса). Раннеславянский мир, 2010. № 13. С. 7–34.
- Ахмедов И.Р.* Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса). Раннеславянский мир. Вып. 13. Москва, 2010. С. 14.
- Ахмедов И.Р.* Короткие однолезвийные мечи из Никитинского могильника // *Germania – Sarmatia*. Вып. II. Сборник научных трудов по археологии народов Центральной и Восточной Европы посвященный памяти М.Б. Щукина. Калининградский областной историко-художественный музей, Курский государственный областной музей археологии, 2010. С. 319 – 341.
- Ахмедов И.Р.* К выделению индикаторов социальной стратификации в культуре рязано – окских финнов в эпоху Великого переселения народов по материалам могильника у села Никитино. Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов: конференция 2. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2010.
- Ахмедов И.Р.* Окские крестовидные фибулы как индикаторы этнокультурных процессов в центральной России эпохи великого переселения. Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. № 3. Спецвыпуск к 50-летию А.В. Богачева. Самара: Самарский государственный технический университет, 2012.

- Ахмедов И. Р. Ранняя группа мечей из рязано-окских могильников. Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья Тула, 2014.
- Ахмедов И.Р. Об одном типе мечей рязано-окских финнов в VI в. н. э. Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Конференция 4, Ч. 2, Тула, 2019. С. 32.
- Ахмедов И.Р. О некоторых «дунайских» элементах в культурах окских финнов во второй половине V в., Балканы, Подунавье и Восточная Европа в римское время и в раннем средневековье. 2020.
- Бажан И.А., Каргопольцев С.Ю. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации. КСИА. Вып. 198. Москва, 1989.
- Белоцерковская И.В., Ахмедов И.Р. Работы археологических экспедиций ГИМ на Оке: некоторые итоги и перспективы изучения рязано-окских могильников III–VII вв. н.э. Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия. Москва, 2009. С. 283–298.
- Веселовская Е. В. «Алгоритм внешности» – комплексная программа антропологической реконструкции. Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2018. № 2. С. 38–54.
- Гаврилухин И.О., Обломский А.М. Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Москва, 2007.
- Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). М.: Изд-во АН СССР. 1955.
- Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энгватова А.В. Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг.: Труды отдела Охранных раскопок Института археологии РАН. Том 3 / отв. ред. А.В. Энгватова. М.: ИА РАН, 2005.
- Гаврилов А.Н. Работы в Шиловском, Путятинском и Чучковском районах Рязанской области. Археологические открытия 1983 года. Москва, 1985.
- Гаврилов А. П. Дамасские мечи V—VII вв. н. э. из Шиловского района Рязанской области. Военная археология. Сборник материалов Проблемного Совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Выпуск 2. Москва, 2011.
- Гаврилов А. П. Дамасские мечи в материалах культуры рязано-окских могильников. Мещерский Край. Москва “Туслиц. Перекресток”, 2015. С. 49–56.
- Гаврилов А. П. Длинно-клинковое оружие междуречья рек Пары и Тырницы Шиловского района Рязанской области. Мещера край. Альманах по истории и культуре мещерского края. Москва, 2016.
- Гаврилов А. П. Ранний погребальный комплекс культуры рязано-окских могильников из материалов нового городищенского могильника рязанской области. Поволжские финны и их соседи в древности и средневековье. Материалы IV Всероссийской научной конференции. Саранск, 2016. С. 49–61.
- Гаврилов А. П. Древняя история среднего Поочья или в поисках Артании. Книга посвящена археологии и истории среднего поочья, поисков истоков русской государственности и идентичности. Москва 2017, Рошаль, 2018.
- Гаврилов А.Н., Гаврилов А.П. Мещёрские сказы. Москва, 2020.
- Гаврилов А. П., Конанов В.Д. Археология Волго-окского региона В.Д. Новый могильник рязано-окских финнов. ИА РАН, ГИМ, 2020. С.60–68.
- Городцов В.Л. Материалы для археологической карты долины и берегов Оки // Тр. XII АС. Т. I. С. 643, 644.
- Ефименко П.П. К истории Западного Поволжья в I тысячелетии по археологическим источникам // СА, II. 1937. С.39–58.
- Казанский М.М., Мاستыкова А.В. Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V–VI вв. В кн.: Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М., 2001. С. 138–161.
- Казанский М.М. Ранневизантийские мечи с инкрустированной гардой / М.М. Казанский // Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племён Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 122.

- Казанский М.М.* «Вождеские» погребения гуннского времени с мечами. Краеугольный камень. Том I. Москва. 2010. С. 309–331.
- Казанский М.М.* О происхождении скрамасаксов. Чудь, меря и другие языки. Кишенёв 2012. С. 113.
- Казанский М.М., Мастыкова А.В., Скворцов К.Н.* Признаки социальной стратификации у населения самбийско-натангийской культуры в начале средневековья (середина V – VII вв.) Российская археология, 2017. № 3. С. 39.
- Казанский М.М.* «О двух традициях декора клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на юге Восточной Европы». Земля наша велика и обильна... 90-летию А. Н. Кирпичникова посвящается. Санкт-Петербург, 2019.
- Кравченко Т.А.* Шатрищенский могильник. Археология Рязанской земли. Москва. 1974.
- Кренке Н.А., М.М. Казанский, Н.В. Лопатин, К.А. Ганичев, И.Н. Ершов, Е.Г. Ершова, Ф.Э. Модестов, В.А. Раева.* Городища Демидовка и Вязовеньки на Смоленщине: об иерархии, хронологии и культурной атрибуции. Российская археология, № 1. 2021.
- Лебединская Г. В.* Реконструкция лица по черепу (методическое руководство). Москва: Старый сад, 1989.
- Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1990.
- Ставицкий В.В.* Абрамовский могильник: Погребение с чернолощёной керамикой. NovaInfo. Ru 2017. № 59. С.17.
- Хазанов А.М.* Очерки военного дела Сарматов. Москва. 1971.
- Akhmedov I.* Cross-like diadems in the Great Migration epoch (Preliminary Communication) // *BarbarenimWandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit .Spisy Archeologického Ústavu AV ČR / J.Tejral (hrsg.) Brno. 2007. № 26. P. 263–274.*
- Kazanski M.* Les épées “orientales” à garde cloisonnée du Ve-VIe siècle // *Istvánovits E., Kulcsár V. (eds.). International Connections of the Barbarians in the 1st–5th centuries A.D. Aszod-Nyiregyhaza: Jósánrás Museum — Osváth Gedeon Museum Foundation, 2001. P. 389–418.*
- Kazanski M.* Archéologie des peuples barbares. Bucarest-Brăila: Editura Academiei Române, 2009.
- Menghin W.* Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin // *Acta Praehistorica et Archaeologica. 1994–1995. T. 26/27. P. 140–191.*
- Tejral J.* Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut AWCR, 2011.
- Tomka P.* Der hunnische Fürstenfund von Pannonhalma. *Acta ArchHung* 38, 1886. P. 423–488.
- Werner J.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956.

Veselovskaya, Elizaveta V., Aleksander P. Gavrilov, and Sergey V. Vasilyev

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/248-273

A warrior's burial from Undrikh 2015 complex (Ryazan-Oka burial grounds). Archaeological parallels and anthropological reconstruction

The archaeological culture of the Ryazan-Oka burial grounds played an important political and cultural role in the formation of a number of Finno-Ugric peoples of the middle Oka river. The study of new monuments of this culture clarifies the general picture of the ethnic history of the region. Artifacts and bone remains from the burial of an upper-class warrior from Undrikh 2015 (pit 90) were studied. The archaeological inventory suggests that the burial dates back to the very end of the fifth century. Each of the objects is described in detail and examined for analogies using a wide range of publications. A torc, a fibula, a rich harness, a cruciform diadem and two swords typical for chieftain's burials in Eastern Europe suggest that the warrior belonged to one of the dominant clans, the ruling group of the Ryazan-Oka barbaricum during the time when authentic statehood was forming.

Various power clans had their own specifics expressed both in the weapons, decorations, and, possibly, in physical appearance. Anthropological study of the skull identified traits of the Mediterranean anthropological type. Graphic and sculpted facial reconstructions make it possible to visualize the appearance of the warrior.

Keywords: *archaeological culture of the Ryazan-Oka burial grounds, Undrikh 2015 complex, anthropological reconstruction*

For Citation: *Veselovskaya, E.V., A.P. Gavrilov, and S.V. Vasilyev. 2021. A warrior's burial from Undrikh 2015 complex (Ryazan-Oka burial grounds). Archaeological parallels and anthropological reconstruction. Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii) 2: 248–273.*

Author Info:

Veselovskaya, Elizaveta V. – Doctor of Historical Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Leninsky Prospect 32 A). E-mail: veselovskaya.e.v@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0002-2932-9884

Gavrilov, Aleksander P. – professor of the Russian Academy of Natural Sciences head of the Museum Department, Historical and Cultural Museum Complex of Shilovo (Ryazan region, pos. Shilovo, st. Spasskaya, 38). E-mail: museum01@mail.ru

Vasilyev, Sergey V. – Doctor of Historical Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Leninsky Prospect 32 A). E-mail: vasbor1@yandex.ru

Funding: The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow), “The evolutionary continuum of the genus Homo”, Subtopic “Anthropology of Ancient and Modern Populations”

References

- Alekseev, V.P., and G.F. Debets. 1960. *Kraniometriia* [Cranioimetry]. Moscow: Nauka.
- Aleksinskii D.P., K.A. Zhukov, A.M. Butiagin and D.S. Korovkin. 2019. *Vsadniki voyny, kavaleriia Evropy, konnitsa armii Vizantii. VI century.* [Horsemen of War. Cavalry of Europe, cavalry of the Byzantine army VI century]. https://historylib.org/historybooks/D-P-Aleksinskiy_Vsadniki-voyny--Kavaleriya-Evropy/2019
- Atavin A.G. 1996. *Pogrebeniia 7-nachala 8 vekov iz Vostochnoi Evropy.* [Burials of the early 7th-8th centuries from Eastern Europe]. *Kul'tura Evraziiskikh stepei 2 poloviny 1 tysiacheletiya nashei ery:* 219.
- Akhmedov I.R. and I.V. Belotserkovskaia. 1998. *O nachal'noi date riazano-okskikh mogil'nikov.* [About the initial date of the Ryazan-Oka burial grounds]. In *arkheologicheskii sbornik.* Moscow: Trudy GIM.
- Akhmedov I.R. 1998. *Ryazano-okskie krestovidnye fibuly* [Ryazan-Oka cross-like fibulae]. *Issledovaniya P.D. Stepanova i etnokul'turnye protsessy drevnosti isovremennosti: materialy nauchnoy konferentsii posvyashchennoy 100-letiyu P.D. Stepanova,* edited by N.M. Arsent'ev, 58–61. Saransk: Krasnyy oktyabr'.
- Akhmedov I.R. 2001. “*Voinskoe pogrebenie iz mogil'nika*” Borok II. [“Military burial from the burial ground” Borok II]. In *tverskoi arkheologicheskii sbornik,* edited by I.N. Chernykh. Tver: Tverskoe oblastnoe izdatel'stvo.
- Akhmedov I.R. 2006. *Krestovidnye diademy v epokhu Velikogo Pereseleniia narodov.* [Cross-shaped diadems in the era of the Migration Period]. In *Vzaimodeistvie narodov Evrazii v epokhu velikogo pereseleniia narodov,* edited by R.D. Goldina. Izhevsk: Udmurtskii gosudarstvennyi universitet.
- Akhmedov I. R. 2007. *Inventar' muzhskikh pogrebeniy* [Inventory of male burials]. In *vostochnaya*

- Evropa v seredine I tysyacheletiya nashei ery*, edited by I.O. Gavritukhin, A. M. Oblomskiy, 137-185. Moscow: IA RAN.
- Akhmedov I.R. 2010. Korotkie odnoezviinnye mechi iz Nikitinskogo mogil'nika. [Short single-edged swords from the Nikitinsky burial grounds]. In *Germania – Sarmatia 2*, edited by O. A. Shcheglova, O.A. Radiush, K.N. Skvortsov, 319–341. Kaliningrad, Kursk: Kaliningradskii oblastnoi istoriko-khudozhestvennyi muzei, Kurskii gosudarstvennyi oblastnoi muzei arkheologii.
- Akhmedov I.R. 2010. Problema «final'nogo» perioda kul'tury riazano-okskikh finnov (k sovremennomu sostoianiiu voprosa). [The problem of the “final” period of the culture of the Ryazan-Oka Finns (to the current state of the issue)]. In *Arkheologiya Vostochnoi Evropy v I tysyacheletii nashei ery. Problemy i materialy* 13, edited by I.V. Islanova, V.E. Rodinkova, 14. Moscow: Ranneslavianskii mir.
- Akhmedov I. R. 2010. Problema «final'nogo» perioda kul'tury ryazano-okskikh finnov (K sovremennomu sostoyaniyu voprosa) [Problem of “terminal” period of culture of Ryazan-Oka Finns (Toward present state of the problem)]. *Arkheologiya Vostochnoy Evropy v Itysyacheletii nashei ery*, edited by I.V. Islanova, V.E. Rodinkova, 7–34. Moscow: IA RAN.
- Akhmedov I. R. 2012. Okskie krestovidnye fibuly kak indikatory etnokul'turnykh protsessov v Tsentral'noy Rossii epokhi Velikogo pereseleniya narodov [Oka cross-like fibulae as indications of ethnocultural processes in Central Russia of Migration period]. *Voyadzher: mir i chelovek*, 107–123.
- Akhmedov I. R. 2014. Ranniaia gruppa mechei iz riazano-okskikh mogil'nikov. [An early group of swords from the Ryazan-Oka burial grounds]. In *voinskie traditsii v arkheologicheskoi kontekste: ot pozdnego latena do pozdnego srednevekov'ia*, edited by I. G. Burtsev. Tula: Kulikovo pole.
- Bazhan I.A., S. Yu. Kargopol'tsev. 1989. V-obraznye riflentye priazhki kak khronologicheskii indikator sinkhronizatsii [V-shaped fluted buckles as a chronological indicator of synchronization.]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*: 198.
- Belotserkovskaia I.V. and I.R. Akhmedov. 2009. Raboty arkheologicheskikh ekspeditsii GIM na Oke: nekotorye itogi i perspektivy izucheniia riazano-okskikh mogil'nikov III–VII vekov. nashey ery [Works of archaeological expeditions of the GIM on the Oka: some results and prospects of studying the Ryazan-Oka burial grounds of the III-VII centuries AD]. In *arkheologicheskie otkrytiia 1991–2004 gg. Evropeiskaia Rossiia*, edited by N.A. Makarov, 283–289. Moscow: Institut arkheologii RAN.
- Veselovskaia E. V. 2018. “Algoritm vneshnosti” – kompleksnaia programma antropologicheskoi rekonstruktsii [“Algorithm of appearance” – a comprehensive program of anthropological reconstruction]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* 2: 38–54.
- Gavritukhin, I. O. and A. M. Oblomskii. 2007. Vostochnaia Evropa v seredine I tysyacheletia n. e. (Eastern Europe in the Middle of the I Millennium A. D.). [Eastern Europe in the middle of the first millennium AD]. *Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences.
- Gerasimov M.M. 1955. *Vosstanovlenie litsa po cherepu (sovremennyi i iskopaemyi chelovek)* [Reconstruction of the face from the skull (modern and fossil man)]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Voronina, R. F., O. V. Zelentsova and A.V. Engovatova. 2005. Nikitinskii mogil'nik: publikatsiia materialov raskopok 1977–1978 gg. [Nikitinskiy Cemetery. Materials of the 1977–1978 Excavations]. *Trudy Otdela okhrannykh raskopok Instituta arkheologii RAN*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology.
- Gavrilov A.N. 1985. Raboty v Shilovskom, Putyatipskom i Chuchkovskom raionakh Riazanskoii oblasti [Works in Shilovsky, Putyatipsky and Chuchkovsky districts of the Ryazan region]. *Arkheologicheskie otkrytiia 1983 goda*.
- Gavrilov A. P. 2011. Damasskie mechi V–VII vv n. e. iz Shilovskogo raiona Riazanskoii oblasti [Damascus swords of the V–VII centuries AD from the Shilovsky district of the Ryazan region]. In *voennaia arkheologiya. Sbornik materialov Problemnogo Soveta “Voennaia arkheologiya” pri Gosudarstvennom Istoricheskom muzee*, edited by O.V. Dvurechenskii, Moscow: Russkaia panorama.

- Gavrilov A. P. 2016. Dlinno-klinkovoe oruzhie mezhdurech'ia rek Pary i Tyrnitsy Shilovskogo raiona Riazanskoj oblasti [Long-bladed weapons between the rivers Pari and Tyrnitsa, Shilovsky district, Ryazan region]. *Meshchera krai. Al'manakh po istorii i kul'ture meshcherskogo kraia*. Moscow, 2016.
- Gavrilov A. P. 2017. *Drevniaia istoriia srednego Pooch'ia ili v poiskakh Artanii. Kniga posviashchena arkheologii i istorii srednego pooch'ia, poiskov istokov russkoi gosudarstvennosti i identichnosti* [Ancient history of the Middle Pooch or in search of Artania. The book is devoted to the archaeology and history of the Middle Pooch region, the search for the origins of Russian statehood and identity]. Moscow.
- Gavrilov A.N. and A.P. Gavrilov. 2020. *Meshcherskie skazy* [Meshchersky tales]. Moscow: Spasskaia tipografiia.
- Efimenco P.P. 1937. K istorii Zapadnogo Povolzh'ia v I tysiacheletii po arkheologicheskim istochnikam [On the history of the Western Volga region in the First Millennium according to archaeological sources]. *Sovetskaia arkheologiya* 2: 39–58.
- Zasetskaia I.P., and M.M. Kazanskii, I.R. Akhmedov and R.S. Minasian. 2007. *Morskoj Chulek. Pogrebeniia znati iz Priazov'ia i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ia v postgunnskuiu epokhu* [Sea Chulek. Burials of the nobles from the Azov Sea region and their place in the history of the tribes of the Northern Black Sea region in the post-Hunnic era.]. St. Petersburg.: Izdatelstvo Gos. Ermitazha.
- Kazanskii M.M. and A.V. Mastykova. 2001. Tsentry vlasti i trgovye puti v Zapadnoi Alanii v V–VI vekax [Centers of power and trade routes in Western Alanya in the V–VI centuries]. *Cevernyi Kavkaz: istoriko-arkheologicheskie ocherki i zametki*: 138–161.
- Kazanskii M.M. 2010. “Vozhdeskie” pogrebeniia gunnskogo vremeni s mechami [“Leader’s” burials of the Hun time with swords.]. In *kraeugol'nyi kamen'*, edited by E. N. Nosov, C. V. Beletsky, 309–331. Moscow: Lomonosov.
- Kazanskii M.M. 2012. O proiskhozhdenii skramasaksov [About the origin of the Scrumasaxons]. *Stratum plus. Chud', meria i drugie iazyki* 5: 113.
- Kazanskii M.M., A.V. Mastykova and K.N. Skvortsov. 2017. Priznaki sotsial'noi stratifikatsii u naseleniia sambiisko-natangiiskoi kul'tury v nachale srednevekov'ia (sередina V–VII vekov.) [Signs of social stratification in the population of the Sambian-Natangian culture in the early Middle Ages (mid – V–VII centuries)]. *Rossiiskaia arkheologiya* 3: 39.
- Kazanskii M.M. 2019. *O dvukh traditsiiakh dekora klinkovogo oruzhiia epokhi Velikogo pereseleniia narodov na iuge Vostochnoi Evropy* [About two traditions of decoration of bladed weapons of the era of the Great Migration of peoples in the south of Eastern Europe]. *Zemlia nasha velika i obil'na. 90-letiiu A. N. Kirpichnikova posviashchaetsia*, edited by S. V. Beletskii. St.Peterburg: Nevskaiia Tipografiia.
- Kravchenko T.A. 1974. Shatrishchenskii mogil'nik (po raskopkam 1966–1969 godov) [Shatrishchensky burial ground (according to the excavations of 1966–1969)]. *Arkheologiya Riazanskoj zemli*: 116–183.
- Krenke N.A., M.M. Kazanskii, N.V. Lopatin, K.A. Ganichev, I.N. Ershov, E.G. Ershova, F.E. Modestov and V.A. Raeva. 2021. Gorodishcha Demidovka i Viazoven'ki na Smolenshchine: ob ierarkhii, khronologii i kul'turnoi atributsii [Demidovka and Vyazovenki settlements in the Smolensk region: on hierarchy, chronology, and cultural attribution.]. *Rossiiskaia arkheologiya* 1: 102–121.
- Lebedinskaia G. V. 1989. *Rekonstruktsiia litsa po cherepu (metodicheskoe rukovodstvo)* [Reconstruction of the face on the skull (methodological guide)]. Moscow: Staryi sad.
- Skripkin A. S. 1990. *Aziatskaia Sarmatiia. Problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt* [Asian Sarmatia. Problems of chronology and its historical aspect]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta.
- Stavitskii V.V. 2017. Abramovskii mogil'nik: Pogrebenie s chernoloshchenoi keramikoi. [Abramovsky burial ground: Burial with black-flattened ceramics]. *NovaInfo* 59: 17.
- Khazanov A.M. 1971. *Ocherki voennogo dela Sarmatov* [Essays on the military affairs of the Sarmatians.]. Moscow: Nauka.